

НОВОЕ О ДОСТОЕВСКОМ

В ближайшие дни в издательстве «Наука» выходит 86-й том «Литературного наследия» (орган Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР) «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования». Это последний из трех томов «Литературного наследия», посвященных великому русскому писателю (т. т. 77 и 83).

В новом томе печатаются неизвестные художественные и публицистические тексты, а также новые материалы и забытые письма Достоевского. Сюда включены недавние фрагменты рукописей «Дневника писателя» 1876 и 1877 гг., в том числе высказывания Достоевского о героях и идеях замечательного романа «Подросток», воспоминания о встрече с Герценом в Италии, и в этой связи — рассуждения о характере и мировоззрении Герцена, наброски статьи о Некрасове, отрывок черновой рукописи «Братьев Карамазовых», подготовительные записки к «Речи о Пушкине» и др. (публикации С. В. Белова, И. Л. Волгина, И. В. Иванова, Г. Ф. Коган, Е. Н. Кошчиной, Г. С. Померанца).

Долгие десятилетия исследователи безуспешно пытались найти тексты двух запрещенных цензурой редакционных статей журнала «Время» о петербургских пожарах 1862 года. Статьи эти были написаны если не це-

ликом самим Достоевским, то, безусловно, при его непосредственном участии. Редакция выражала протест против репрессий по отношению к молодежи и студентам, провокационно обвинявшими в поджогах. В то же время печатаются обе статьи по корректурным гранкам, разисканным ленинградским исследователем Н. Г. Розенблехом в Государственном историческом архиве. (Несколько позднее в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, в фонде бывшего корректора «Времени» К. Сунгурова, арестованного за участие в революционном движении, Г. Ф. Коган обнаружил гранки одной из этих статей.) На первом листе статьи «Пожары» — надпись: Александр II: «Кем написана?»

Большое место в томе — и по объему, и по значению — занимают дневники, воспоминания и письма современников Достоевского. Впервые печатаются недавно расшифрованный женевский дневник жены писателя А. Г. Достоевской (публикация С. В. Житомирской и Ц. М. Пошеманской); об этом подробно сообщала «ЛГ» (№ 33, 1972).

Воспоминания людей, близких к Достоевскому, публикуемые в «Литературном наследии», обогащают представление о его жизни и творчестве. Сам Достоевский

турное значение, считая, что они необходимы для «полной, совершеннейшей биографии писателя».

Богатый материал для изучения Достоевского содержит обширная публикация Л. Р. Ланского «Достоевский в неаполитанском переплете современников».

В разделе «Разыскания и сообщения» печатается ряд материалов о связях редакции «Времени» с революционным студенчеством 1860-х годов, о надзоре за Достоевским, отразившемся в документах III Отделения, об отношении Н. С. Лескова и В. Г. Короленко к творчеству Достоевского (статья и публикации К. П. Богатовой, И. С. Зильберштейн, Г. Ф. Коган, И. А. Кронод, Т. Г. Морозовой).

Влиянию Достоевского на западноевропейскую литературу и театр посвящено большое исследование В. В. Дудкина и К. М. Азодского «Достоевский в Германии» и статья Н. Л. Сухачева «Достоевский на французской сцене».

Материалы нового тома «Литературного наследия» дают возможность глубже понять идеин и творческие искания великого писателя. Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблех.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ

Статья о Некрасове, черновые наброски и которой мы публикуем, была написана по повелению поэта и предназначалась для декабрьского номера «Дневника писателя» 1877 года. Вместе с подготовительными записками к знаменитой «Речи о Пушкине» (1880 г.) эти материалы отражают главные идейные и эстетические устремления Достоевского. В заметках о Пушкине как величайшем национальном поэте находим ряд тем и формулировок, не получивших отражения в окончательном тексте «Речи». Вступая против попыток некоторых критиков ограничить значение Некрасова областью «чистого искусства», Достоевский особенно подчеркивает демократический пафос поэзии Некрасова.

О ПУШКИНЕ И НЕКРАСОВЕ

«Искусство для искусства», высочайший идеал. А между тем это было не так, потому что Некрасов был восторженным горя народного. Не извиняйте же его ухищрениями.

Самое главное спасение в том, чтобы прибегнуть к правде полной. Примем же Некрасова вполне тем, каким он был в самом деле.

...что мы робели там, где Некрасов не робел и не останавливался, и что демон, мучивший его, был сильнее, чем наши бесы.

Никогда еще ни один русский писатель не соединял так духовно и родственно с народом. До сих пор все это господство, обирающее пишище. И эта черта в Пушкине столь ярка, что ее нельзя не заметить и не отметить как главнейшую его особенность, какой ни у кого не бывало. Тут такая особенная черта, что ее нельзя не заметить.

А главное — в правду свою Пушкин верит, никогда не подпадет высокомерию.

Запись о романе «Подросток», обнаруженная в черновиках «Дневника писателя» за 1876 г., вызвана, по-видимому, полемикой вокруг романа, в котором совершенно очевидно преобладают одни важные вопросы — о власти денег. Достоевский с него, ярко раскрывает свой гораздо более глубокий замысел.

ИДЕЯ «ПОДРОСТКА»

«...что лучше. Это он лично сам должен решить без всякого руководства. Он добр и великодушен, но безмерно ценит свое великодушие и рисует им в своих глазах беспрепятственно. Он обжиген с детства и знает это, хотя знает до страдания, что и сам виноват. У него несколько тяжелых воспоминаний — о своей незаконнорожденности, о смешном социальном положении своем, о посещениях матери, которую он оскорбил, о встрече с законным братом своим. Душа его наполнена ядом, и он уединился в дом с самого первого сознания единичности и мало-помалу составил колоссальный и уродливый проект жизни в отношении людям. В то же время у него странное желание любить и он сознает, что

Сын известного историка С. М. Соловьева Всеволод Соловьев, исследовавший популярный исторический романист, сообщает матери 1 января 1873 года:

«Дорогая моя, я бесконечно счастлив в эту минуту, — я только что вернувшись домой; двенадцать часов ночи; на столе я видел твою телеграмму, твою письмо и визитную карточку, оборотная сторона которой вся исписана. — А взглянув на карточку — и мое сердце так задрожало, что я едва не упал; я прочел, что на ней написано... Еще никогда я не был так счастлив — на карточке стоит имя человека, которого я признаю гениальным, перед которым я благоговею, о знакомстве, о дружбе которого я несколько лет мечтал, как о недостижимом счастье. На карточке стоит Федор Михайлович Достоевский. Его рукою, написанное столько дивных произведений, которыми я зачитывался и залюбовался, написано следующее:

«Любезнейший Всеволод Соловьев, я все хотел вам написать, но откладывал, не зная моего времени. С утра до ночи был занят. Теперь заезжаю и не застаю вас, к величайшему сожалению. Я дома бываю около восьми часов вечера, но не всегда. И так у меня спутано теперь все по поводу новой должности моей, что не знаю сам, когда бы мог вам назначить совершенно безопытно. Крепко жму вам руку. Ваш Ф. Достоевский».

О! Как я счастлив — другие не поймут этого, но ты поймешь, потому что тебе же сестра и пишу тебе. Это случилось вот как: я узнал, что он здесь, и сам не знаю как, решил — написал ему мое письмо, где вылил всю душу, потому что знал, что он поймет меня. Я слишком горю его сам понимаю. Я не ошибся в человеке — он не знает, какой роскошный подарок сделал он мне в день моего рождения».

В ряде писем рассказывается о личной жизни Достоевского, о вечерах с его участием. Ценность таких свидетельств, написанных по горячим следам событий, несомненно. Приведем пример детского письма к А. А. Соловьеву-Несмелову поэту И. З. Сурикову о выступлении Достоевского на вечере в пользу Литературного фонда в 1879 году.

«...В пятницу, 16 марта, был на втором литературном чтении в пользу Литературного фонда. Зал был полон и сидящими и стоящими; но не в этом, как мне казалось, особенность этого вечера-чтения. Чтения были и в прежние годы, и на тех дубинках бывало много. Публика последних чтений, как это произошло в ее неудержимых аплодисментах, в поднесении венков и букетов, представляла из себя редкое единство чисто русского теплого чувства, доходящего до энтузиазма и до энтузиазма к своим беллетристическим талантам, каковы И. С. Тургенев

и Ф. М. Достоевский. Овации, венки, букеты и продолжительные рукоплескания, вывозы, взгляды, полные восторга, — все это обращено было на этих двух представителей русского романа, русского литературного искусства.

Первым во втором отделении этого вечера вышел автор «Бедных людей», «Записок из Мертвого дома» — автор Униженных, тонкий аналитик человеческого духа. Это другой тип и человека и писателя, потрясающего душу своих читателей и слушателей.

Он до крайности нервен, как нервы его герои. Природа и обстановка в его произведениях почти отсутствуют, — они ему как будто не нужны, ему нужен один человек с его страстями, болезнями духа, в манерах и движениях и его самого видел человек, уходящий в глубь себя. И вот нервы его, и публики от начала самого чтения вполне законченного, целостного эпизода «По секрету...» (Братья Карамазовы) постепенно натираются, голос читателя и слушателя, так вот и кажется, вместе со всей болезненной силой из самых сокровенных тайников его души наружу. Исповедь старшего брата — общеразумею со всей ширью его опыта-тани русско-офицерской службы, с пленком запущенной, оскорбленной, унижаемой от колыбели, исповедь эта изливается за ночь к младшему брату Алексею — этой целостной, чистой, негронтой «надеждою» сладострастия» натуры — в какой-то мрачной развилке беседы, о которой упоминается в письме, выходящем из пункта места отправления исповеди стихийного, униженного жизнью, людьми и собой человека, который все-таки имел единственную хорошую минуточку просветления благодаря девушке. Это было, когда он, Дмитрий Карамазов, величайший сам себя подломом и насеккомым, весь пламенел и просасался подполью и для подлости — и вдруг он неожиданно сам для себя в один момент вырос в чистого человека и настолько нравственно рослого, насколько до той минуты он был до болезненности низок, мал и гадок. И ко всему этому он как будто стесняется даже заявлять об этом, боится власти в рисовку и тем, так сказать, умягчить это величие своей человеческой натуры, — а потому и заканчивает свою исповедь, полную тленного анализа и драматизма: «Об этом, брат Алексей, я никому, никому и никогда не говорю и не пишу, — сказал только тебе брату Ивану!». Зал покрылся дружными умопомраченными аплодисментами, каними и встречен был при выходе на помост Ф. М. Раз двенадцать вызвали его, и одна из студенток поднесла ему громадный букет, увенчанный полонцем с вышивками в

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Фотография Н. Досса, 1876, Петербург, с дарственной подписью Достоевского жене: «Моя возлюбленная по доброй Ане от меня. Ф. Достоевский, 14 июня 1870 г.»

«ПИСАТЕЛЬ, ПОТРАЯСАЮЩИЙ ДУШУ...»

русском вкусе. Ф. М. взял букет как-то нервно, не глядя, вразом, и сразу куда-то задрал, как будто бы прогнав мешающий ему предмет или отстраняя от себя что-либо мешающее ему наблюдать, анализировать, работать. И тут, конечно, сказались своеобразная нервная натура. Читал он лучше всех, читал прекрасно, сердечно, читал от души <...>.

В заключение вызвали вместе И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и они на эстраде крепко пожали друг другу руки. Вечером этим я был очень доволен — и субъективно, и объективно: думаю, все-таки есть капли единства человеческого и у пишущего мира и у публики с оным...»

Подробности личной жизни писателя, нелегкий быт семьи Достоевских вырисовываются из писем Достоевского Анны Григорьевны. Приведем два из них — первое написано в Швейцарии в сентябре 1866 года к брату писателя, Николаю, второе — за два месяца до его кончины и адресовано Андрею Михайловичу Достоевскому, другому брату писателя.

«Вот уже полтора года, как мы из России поехали на четыре месяца, а остались на два года, да и сами еще не знаем, когда нам удастся вернуться домой. У нас... было много счастья, но было и ужасное горе, т. е. смерть Сони. Ведь вы знаете, что у нас была маленькая дочка, Соня, милая, хорошенькая девочка, как две капли воды похожая

на Федоту Михайловича. Как мы были счастливы в эти три месяца, пона у нас жила Соня; это была такая полная жизнь, что я ничего не желала больше. Какая милая, тихая девочка была моя Соня; она нас даже утешала, смеялась нам и ужасно любила, когда Федор Михайлович ей пел. Федор Михайлович любил ее больше всего на свете и говорил, что никогда он еще не был так счастлив, как при Соне. Бедный, он так теперь горюет, что и сназдать нельзя...»

Мы живем теперь, как вы знаете, в Везере, на берегу Женевского озера; местность здесь до того хороша, что и во сне такой не увидишь; живем мы здесь три месяца, но вывели заключение, что воздух здесь положительно не годится для таких нервных, как мы с Федором Михайловичем. Поэтому мы хотим, если только удастся, непременно уехать, хотя еще и сами не знаем, куда; но все-таки думаем в Италию, т. е. в Милан или во Флоренцию. А как бы мне хотелось вернуться в Россию, но покамест это решительно невозможно. Дела наши ужасно как плохи, долги не уменьшаются, а только нарастают, и приехать в Петербург — значит прямо сесть в долговое отделение. Несмотря на нашу чересчур скромную жизнь, нам часто приходится нуждаться и закладывать вещи, Федор Михайлович по целым дням бед устал работает и

ужасно измучился; здоровье его за границей несравненно лучше, и принадлежило бы выехать на неделю по шести, по семи. Живем мы с ним очень ладно, и я чрезвычайно счастлива; он такой добрый, прекрасный и любящий человек, что, право, невозможно его не любить и не быть с ним вечно счастливой...»

Второе письмо: «Благодарю вас от всего сердца, что вы вспомнили день рождения Федора Михайловича. Он был очень доволен, получив ваше письмо: из всех его родственников только вы и ваши дети поздравили его в этот день. Ни племянники, ни Николай Михайлович даже письмом не подумали об нем вспомнить, и это видно отгорчилось Федору Михайловичу. Зато мне приятно было ему получить вечером ваше письмо <...>».

Мы, слава богу, все здоровы, хотя Федор Михайлович жалуется несколько на грудь. Но работы ужас как много, просто не остается ни минуты свободной. Мы печатаем отдельным изданием «Братьев Карамазовых», и они выйдут в свет в первых числах декабря. Я сама просмотрела все семейные письма, исправляла корректуры и нашла, что это просто являлась работа. Приходилось сидеть по пять-шесть часов сяду, но так не задерживать работы. А тут хозяйство, дети, моя кутяная торговля, все разрастающаяся, требования наших книг, счет с книжниками; одним словом, каждый час, каждая минута занята, и как ни работаешь, а видишь, в конце концов, что не сделала и половины из того, что предполагала. Как я ни собиралась к вам, что бы поздравить еще раз Варвару Андреевну пред ее отъездом, но поспать не могла: утром корректуры, вечером боюсь одна ехать, а ехать с Федором Михайловичем так далеко нельзя и думать: при его слабой груди ему положительно запрещено ездить на большие расстояния. Вот и откладываешь день за днем, и все нигде не поспеешь. Но, слава богу, роман скоро выйдет, хотя тут

Публикация завершает многолетние усилия современных писателей и похороны Достоевского, выходящие огромной общественной организацией. Известный украинский филолог П. И. Митичкин писал через несколько дней после похорон своему пятнадцатилетнему сыну Игнату в Киев:

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ и К. А. ТРУТОВСКИЙ. Рисунок К. А. Трутковского, друга юности братьев Достоевских. Внизу помета Трутковского: «Я и Ф. М. Достоевский. 1842 год» (Достоевский стоял)

Корректурная запрещенная цензурой редакционная статья «Пожары», предназначавшаяся для журнала «Время», июль 1862 г. Сверху надпись: Александр II: «Кем написана?»

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ СОВРЕМЕННОКИ

Друг молодости братьев Достоевских А. Е. РИЗЕНКАМПО рассказывает о первых литературных опытах, театральном опыте. До сих пор рисуются Ризенкампа, которую цитировал Ф. Ф. Миллер в «Истории писателя Достоевского» (1883 г.), считалась утраченной; она сохранилась в частной коллекции и в юбилейные дни 1971 года была передана в Музей Ф. М. Достоевского в Москве искусствоведом Л. И. Гутманом.

На разных петербургских удовольствиях, в которых привлекал его театр <...>. Премущественно проиветал тогда Александринский театр. Такие артисты, как Каратыгин, Брянский, Мартынов, Григорьевы, г-жи Асенкова, Дюр и пр., произвели на него сильное впечатление, тем более на страстную, поэтическую натуру Федора Михайловича <...>. На немецком театре тогда владычил преемник Кунст и г-жа Лилла Леве. Впечатление, произведенное последней актрисой на Федора Михайловича в роли Марии Стюарт.

Второе место в числе петербургских удовольствий занимала музыка. В 1841 году публично восхвалялись концерты известного скрипача Оле-Буля. С 9 апреля 1842 года началась концертная гениальность Листа и продолжалась до конца мая. Несмотря на несъезжанную до тех пор цену билетов (сначала по 25, после по 20 рублей ассигнациями), мы с Федором Михайловичем не пропустили почти ни одного концерта.

Федор Михайлович нередко посмеивался над своими друзьями, носившими перчатки, шляпы, прическу, тросточки à la List. После одного из концертов, в тесноте при выходе из залы у него была оторвана ниточка от спящего темляка, и с тех пор до самой отставки он ходил без этого темляка, что, конечно, было замечено многими, но Федор Михайлович равнодушно отвечал на все замечания, что этот темляк без ниточки ему дорог как память о концертах Листа.

Кроме этих удовольствий, молодые люди находили еще развлечение на вечеринках в частных домах. Но Федор Михайлович имел мало знакомств и вообще чуждался их, чувствуя себя в семейных домах не в своей сфере.

Скучно несколько слов об обыкновенном ежедневном препровождении времени Федора Михайловича. Не имея никаких знакомств в семейных домах, навещающая своих бывших товарищей весьма редко, он

почти все время, свободное от службы, проводил дома. Служба ограничивалась ежедневным (кроме праздничного) хождением в Инженерный замок, где он с 9 часов утра до 2 часов пополудни занимался при Главном инженерном управлении. После обеда он отдыхал, нередко принимал знакомых, а затем вечер и большую часть ночи посвящая любимому занятию литератору. Какую ему приносит выгоду это занятие, о том он мало думал. «Ведь дошел же Пушкин до того, что ему за каждую строчку стихов платили по червонцу, ведь платили же Гоголю, — а ведь, и мне за платят что-нибудь!» — так выражался он часто.

Когда были деньги, он брал из кондитерской последние вышедшие книжки «Отечественных записок», «Виблютки для чтения» или другого журнала, нередко абонируется в какой-нибудь библиотеке на русские и французские книги...

Воспоминания А. А. ФОН БРЕТЦЕЛЬ, жены Я. Б. фон Бретцель, домашнего врача Ф. М. Достоевского, о литературно-музыкальном походе на усадьбу писателя в деревне Мясных педагогических курсов в марте 1880 года написаны спустя несколько месяцев после памятной встречи с Достоевским и Тургеневым, однако в них ощущается вся непосредственность впечатлений, перенятых мемуаристкой. Рассказ приобретает большое значение и потому, что до сих пор в литературе о Достоевском и Тургеневе сведений об этом вечере почти не было.

ред его выходом Тургенев выразил мне желание слышать его чтение, я прошла в залу, чтобы приготовить место.

Как полна была зала! Не только все места заняты, но стоят во всех проходах; очевидно, курьезный продали билеты без мест. По счастью, в первом ряду оставлено несколько кресел для официальных лиц. Одно из них я предложила Тургеневу.

Достоевский вошел в зал под шумные аплодисменты, долго не стихавшие. Тургенев сел и стал внимательно слушать чтение.

Достоевский читал за захватывающее место из «Подростка», где несчастная Оля, приехавшая из провинции в Петербург, напрасно ищет места, и наконец отец «подростка», без всякого злого умысла, предлагает ей, до приснавания места, 300 рублей, которые она принимает. Но изверившаяся в добрых чувствах людей и их бескорыстии, она начинает сомневаться, следовало ли брать

эти деньги, возвращает их после дикой сцены с отцом «подростка» и, придя домой, ночью вешается на гвозде, с которого случайно было снято зеркало.

Достоевский читал не очень громко, но таким проникновенным голосом, что становилось как-то жутко и казало, что эту страшную сцену действительно переживает сама <...>. Только когда прошло первое тяжелое впечатление, раздались аплодисменты. И Тургенев громко хлопал Достоевскому.

Когда Ф. М. вернулся в комнату для артистов, его уже поджидал доктор фон Бретцель.

— Как вы хорошо читали, — сказал он, — и не сразу не нашла! —

— А все благодаря вашему лепетанию, — сказал Достоевский и, вынув из кармана корбочку, сейчас же принял лекарство. Тут только узнали, какому риску подвергал себя Достоевский, исполняя свое обещание читать.